

Примечания

- ¹ Чехов А.П. Собр. соч.: В 8 т. М., 1970. Т. 4–6.
- ² Joyce J. Dubliners. A Portrait of the Artist as a Young Man. М., 1982.
- ³ Беспалова О.Е. Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. С. 6.

- ⁴ См.: Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов, 2003. С. 74.
- ⁵ Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981–1984 (МАС). Т. 3. С. 698.
- ⁶ Dictionary of Contemporary English. Oxford, 1995. P. 694.
- ⁷ Dictionary of Contemporary English. P. 684.
- ⁸ Шехватова А.Н. Мотив в структуре чеховской прозы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.

УДК 811.111'04'37

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ДИСКУРС (лексема *sloth* в религиозном дискурсе среднеанглийского периода)

М.Ю. Колокольникова

Саратовский государственный университет,
кафедра английской филологии
E-mail: marinaugustina@mail.ru

В статье на примере существительного *sloth* рассматривается роль дискурса в историческом развитии семантической структуры лексических единиц.

Ключевые слова: лексическая семантика, историческое развитие, религиозный дискурс, морально-этическая сфера.

**Lexical Semantics and Discourse
(the Noun *sloth* in the Middle English Religious Discourse)**

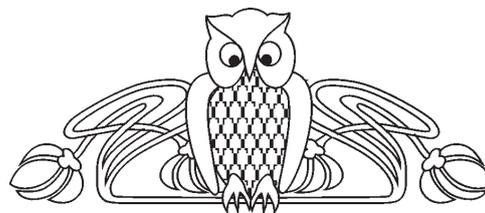
М.Yu. Kolokolnikova

The article considers the role of discourse in the historical development of the semantic structure of lexical units through the specific study of the noun *sloth*.

Key words: lexical semantics, historical development, religious discourse, moral-ethical sphere.

На протяжении уже довольно длительного времени одним из наиболее актуальных и интересных направлений общей теории языкового развития остается изучение процессов исторического изменения семантики лексических единиц, их основных типов и причин. К числу последних все чаще относят и регулярное использование слов в рамках того или иного дискурсного пространства, т. е. того или иного «возможного (альтернативного) мира», который «требует особого использования языка для выражения особой ментальности»¹.

Действительно, опыт многих исследований в данной области свидетельствует о том, что дискурс не только тщательно и целенаправленно отбирает из общеупотребительного словарного фонда необходимые ему лексические единицы, но и активно приспосабливает их к характерным для него целям и условиям общения. Таким образом, дискурс, будучи сложным единством языковой формы, значения и действия², выступает

в качестве той коммуникативной среды, которая модифицирует смысловую структуру лексических единиц, а со временем может закреплять результаты подобных изменений в системе языка.

Последнее оказывается возможным во многом благодаря наличию в дискурсном пространстве тематических блоков, которые на определенном хронологическом этапе развития общества отличаются особой социальной значимостью, а следовательно, и высокой степенью воспроизводимости, повторяемости. Подобные тематические блоки и их отдельные компоненты не только играют большую роль в обеспечении единства смыслового пространства самого дискурса, но и способствуют распространению его влияния на другие типы дискурсов, перенося, «транслируя» в их сферу при помощи различных инодискурсивных включений, свойственные «донорской» дискурсивной области смыслы и понятия.

Это влечет за собой и перенос специфических для данного дискурса лексических средств воплощения актуальных смыслов. Именно в этом, по-видимому, заключается один из важнейших механизмов закрепления в системе языка тех изменений в семантике лексических единиц, которые первоначально представляют собой результат их регулярного функционирования в том или ином дискурсе и выводятся из суммы типичных для них контекстных значений.

Значительный интерес в этом отношении представляет исследование религиозного дискурса, который главным образом ориентирован не на порождение новых смыслов и тем, а на воспроизведение уже существующих. Важно также и то, что религиозный дискурс в силу своей специфики оказывает влияние на формирование и развитие не только собственно религиозного слоя лексики, но и общеупотребительных лексических единиц, особенно тех, которые относятся к морально-этической сфере. Ведь религиозная вера, как известно, объединяет «модель мира и нравственный закон»³.

Влияние религиозного дискурса на развитие лексики морально-этического плана было заметным в эпоху Средневековья, когда морально-нравственные представления были неотделимы от религиозных. Поэтому именно в религиозном дискурсе в это время шло формирование системы языковых средств передачи морально-этических смыслов и значений. Данный процесс мог происходить за счет слов и словосочетаний, которые образовывались вновь или были заимствованы из других языков, а также за счет дальнейшего семантического развития уже имевшихся в языке слов.

В качестве примера здесь можно привести существительное *sloth* (сред.-англ. *sleuth, sloghness, sloueth, slouhthe, slough, slought, slothe, sclouthe, sloupe, slowpe, slaught, slauth, slauphe, sclawth*). Оно датируется XII в. и восходит к исконному прилагательному *slow* (*slaw, slue*), которое, согласно лексикографическим источникам, в изучаемый период времени было способно передавать довольно широкий круг значений: *медленный, медлительный в движениях, в мыслях, несообразительный, вялый, неуклюжий, неповоротливый, сонный, бездеятельный, ленивый, запоздалый*. Многозначностью на ранних этапах своего развития отличалось и образованное от него существительное, с помощью которого могли обозначаться такие понятия, как *медлительность, опоздание, бездействие, слабость, вялость, лень, неуклюжесть, неповоротливость, неподвижность, сонливость, несообразительность, промедление*.

Анализ 60 религиозных и 60 светских письменных памятников XII–XV вв.⁴, в ходе которого было зафиксировано 620 случаев использования лексемы *sloth* (400 и 220 в религиозном и светском дискурсе соответственно), показывает, что большинство вышеперечисленных значений являлись общеупотребительными и встречались в текстах различной дискурсной и жанровой принадлежности:

«Tyl thow ha founde the ryhtē way;
Lat, in thyn asking, *be no slouthe*
Tyl thow be brouht vn-to the trouthe»
(Lydgate J. The pilgrimage of the life of man.
P. 325).

«Of he slynges with sleghte and slakes
gyrdill, / And fore *slewthe of slomowre* on a
slepe fallis. / Bot be ane aftyre mydnyghte all
his mode changede» (The alliterative Morte
Arthure. P. 127).

«So shaltow seen hem / leeuē brother deere
If it so be / thou wolt *with-outen slouthe* Bileue
aright and knowen verray trouthe» (Chaucer G.
Canterbury tales. P. 533).

«The tokenys of a bade stomake bene heuy-
nesse of body, *Slewthe*, the face dyscolourid,
heuynesse of eyen, ventuosite and swollynge of
the wombe» (The prose versions of the Secreta
Secretorum. P. 239).

Проведенное исследование свидетельствует также и о том, что дальнейшая эволюция семан-

тической структуры рассматриваемого существительного была во многом обусловлена спецификой его функционирования в религиозном дискурсе, где оно получило особенно широкое распространение приблизительно с середины XIII в. Так, в проанализированном материале на долю религиозного дискурса пришлось 68% от общего числа всех зафиксированных случаев употребления лексемы *sloth*.

Что касается конкретных контекстов его использования, то среди них в значительной степени преобладают такие, в которых изучаемое слово служит для наименования одного из семи смертных грехов – *лености* (лат. *Accidia*). В этой связи представляется необходимым напомнить, что в Средние века данный грех понимался как состояние душевной апатии, безразличия, которое мешало человеку предаваться делам благочестия, прежде всего молитве. Его главными последствиями считались невнимательность во время мессы, забвение грехов на исповеди, неисполнение епитимьи. Св. Томас Аквинский (XIII в.), объединявший грех *леность* с грехом *уныние* (лат. *tristitia*), рассматривал его как отказ от радости общения с Богом, от духовного блага вообще.

Неслучайно в средневековом религиозном дискурсе существительное *sloth* получает такое специфическое значение, как *леность, медлительность в служении Богу и в делах милосердия*. В наиболее эксплицитной форме данное значение находит отражение в характерных для религиозных текстов той эпохи словосочетаниях: *sleuth in goddis servis* (*медлительность, леность в служении Богу, в почитании Бога*), *sleuth in gude dedes* (*медлительность, леность в добрых делах, в делах милосердия*).

«Þir er þa hede syns þat er *dedely*;
Pride, hatreden, and envy
Glotomy and *sleuthe in Goddes servise*» (The
prickle of conscience: a Northumbrian poem.
P. 92).

Актуализации подобного значения способствовало также постоянное использование в непосредственном окружении изучаемой лексической единицы таких, например, близких по смыслу сочетанию *God's service* слов, как *worship* (*поклонение, почитание*), *mess* (*месса*), *prayer* (*молитва*), *Creed* (*Символ веры*), *sermon* (*проповедь*).

«Now shul we speke of *sloghness*;
Be fourþe hyt ys of *dedly synnes*... Moche ys a
man for to blame
þat kan nat *wurschep Goddys name*
With *patter nester new wee creed*» (Manning R.
Handling sine. P. 143).

«Also i crie god merci of *Sloupe in Godes seruise*:
Not heryng hit deuoutliche as I scholde do,
not hauynge *delyt in godes seruise* in
Matyns, in *Masse*, in preching of *godes word*,
but proudliche entryng in to *godes hous*»
(Companion to the English prose works of Richard Rolle. P. 341).

Большое влияние на процесс специализации лексемы *sloth*, несомненно, оказало и появление у нее под действием типовых в рассматриваемой коммуникативной сфере контекстов употребления прочных тематических и ассоциативных связей с существительными *sin* и *vice*, а также с существительными, выступавшими в качестве наименований других смертных грехов: *pride* (гордыня), *envy* (зависть), *covetousness* (алчность), *wrath/ire* (гнев), *lechery* (похоть), *gluttony* (чревоугодие).

«Be fyfte senne hys sleupe
Of þat man scholde do,
Hye brekeþ gode treuþe
Wyþ god and man also» (The poems of William of Shoreham. P. 111).

«Tavoydē slouthe, cheff noryc
To the Amptē ffor to go,
And moder vn-to euery vyce» (Lydgate J. The pilgrimage of the life of man. P. 280).

«Most party day and nyght / syn in word and dede ffull bold;
Som in *pr. ide, Ire and enuy*,
Som in *Couetyse & glotny*,
Som in *sloth and lechery*» (The Towneley plays. P. 24).

Особого внимания, как представляется, заслуживают отрывки, в которых подробно описывается природа рассматриваемого греха и его последствия, а само существительное *sloth* в силу этого становится объектом метаязыковой рефлексии. При этом метатекстовые фрагменты включали в себя, как правило, слова и словосочетания типа *idleness* (праздность, лень), *negligence* (пренебрежение обязанностями, нерадивость, небрежность), *despair* (отчаяние), *dullness of heart* (уныние, вялость), *heaviness of heart* (уныние, душевная тяжесть), *annoū against spiritual good* (раздражение от духовного блага).

«Be sexte dedly synes `slewthe or slawenes,' þat es, a hertly angere or anoye till vs of any gastely gud þat we sall do... Anoþer es, a `dullnes or heuenes of herte' þat lettes vs for to lufe oure Lorde God Almyghten, or any lykynge to hafe in His seruise» (Dan Jon Gaytryge's Sermon. Religious Pieces in Prose and Verse. P. 13–14).

«The ferthe dedly synes *slouthe*; and þat mase manes *herte hevy* and *slawe in gude dede*, and makes man to *yrke in prayere or halynes*, and puttes man in *wykkednes of wanhope*, for it *slokyns þe lykynge of gastely lufe*» (The Myrroure of seint Edmonde. Religious Pieces in Prose and Verse. P. 25).

Следует отметить, что подобные текстовые конструкции, в состав которых, как можно видеть из приведенных примеров, входило значительное число разного рода пояснительных и уточняющих оборотов, дефиниций, перифраз, были весьма типичны для религиозного дискурса XII–XV вв. и во многом помогали ему приспособлять имев-

шиеся в его распоряжении лексические единицы к возможно более точному и адекватному выражению ключевых для него смыслов и понятий.

Этому же, несомненно, способствовало и использование большого количества семантических, лексических и словообразовательных повторов. В исследованных, например, нами религиозных текстах помимо самого существительного *sloth* часто встречается и однокоренное ему прилагательное *slow*, в том числе, что особенно важно, и в составе словосочетаний типа *slow in good works/deeds* (медлительный, ленивый в делах милосердия), *slow in God's service* (медлительный, ленивый в почитании Бога, в служении Богу), также непосредственно связанных с рассматриваемой тематикой.

«Hie me haued imaked heuy and *slaw on godes weorkes* ðurh idelnesse» (Vices and Virtues: a Soul's Confession of its Sins with Reason's Description of the Virtues. P. 4).

«*Dou art slogh yn Goddys seruise*». (Manning R. Handlyng synne. P. 156).

Синонимические связи лексемы *sloth* в проанализированном материале представлены главным образом такими существительными, как *idleness* (праздность), *sleep* (сон), *dullness* (уныние, безразличие, вялость), *slowness* (медлительность, леность), *heaviness* (уныние), *despair* (отчаяние), *weariness* (усталость, слабость), *sorrow* (уныние, мирская грусть). Некоторые из этих связей (*despair, negligence, sorrow*), как можно предположить, представляют собой результат функционирования изучаемой лексической единицы именно в религиозном дискурсе. Другие (*sleep, heaviness, lethargy*) получают здесь переосмысление, используются преимущественно в переносном смысле и описывают не физическое, а душевное состояние, которое может быть охарактеризовано как «сон души», ведущий ее к гибели и вечному наказанию.

«Ac ðat he on *slawþe* and on *ydelnesse* his lif ladde anon to his ande-daige, and ðat he herfore wurde fordemd into *helle pine*» (Vices and Virtues. P. 5).

«But it is euyl to ben ouercomen in þis temptacion, & þat schal not be but be oure owene *negligence & slougte & fals lykynge in synne*» (The English works of Wyclif hitherto unprinted. P. 200).

Среди синонимических связей, приобретенных лексемой *sloth* в религиозном дискурсе, стоит особо выделить синонимию существительного *sloth* с заимствованным из латыни существительным *acedia* (ср. англ. *accidie, accyde, accidye*). Латинское заимствование, также используемое для наименования греха *лености*, употреблялось в английских религиозных текстах в качестве семантического эквивалента существительного *sloth*. Ср. контексты, в которых одновременно функционируют оба существительных, уточняя и поясняя значение друг друга:

«Et oþer / is enuie. þe þridde / wreþe. þe uerþe / sleauþe / þet me clepeþ ine clergie: *accidyde*. þe vifte / icinge. in clergie / auarice. oþer couaytise þe zixte / glotounye» (Michel D. Ayenbite of Inwyt. P. 16).

«Hyt ys *sloghness*, and kalled '*accyde* Fro *Goddys seruyse* so long þe hyde» (Manynng R. Handlyng synne. P. 159).

Вместе с тем между двумя лексемами наблюдаются значительные функциональные различия, касающиеся частотности их употребления. В проанализированных нами религиозных текстах существительное *sloth* было зафиксировано около 400 раз, тогда как для существительного *acedia* отмечено 80 словоупотреблений.

Одна из причин функциональной ограниченности существительного *acedia* заключается, по-видимому, в том, что эта лексема в изучаемую эпоху, как, впрочем, и в дальнейшем, была недостаточно ассимилирована английским языком. На это, в частности, указывает отсутствие у нее каких-либо словообразовательных связей.

Не вызывает, однако, сомнений тот факт, что тесное взаимодействие с лексемой *acedia* на уровне парадигматики и синтагматики, использование в сходных по содержанию и лексическому наполнению контекстах не могло не оказать своего влияния на семантическое развитие существительного *sloth*, которое получает способность, по крайней мере в определенных видах контекстов, передавать несвойственные ей в языке в целом значения *уныние, отчаяние, печаль*.

Примечательно, что в относящихся к тому времени английских переводах библейских текстов лексема *sloth* выступает в качестве эквивалента существительного *tristitia*, специализированного в значении отрицательного эмоционального состояния – *печаль, грусть, скорбь*. Ср.:

«Beatus vir qui non est lapsus verbo ex ore suo, et non est stimulatus in *tristitia delicti*» (Ecclesiasticus. 14. 1).

«Omnis plaga *tristitia cordis* est, et omnis malitia nequitia mulieris» (Ecclesiasticus. 25. 17)⁵.

«Blisful the man, that is not sliden in wrd fro his mouth, and is not pricked in *sorewi slouthe of gilte*» (The Holy Bible, containing the Old and New Testaments, with the Apocryphal books. Ecclus. 14. 1. P. 149).

«Alle veniaunce is þe dreri *slowþe of herte* and eche malice the wickidnesse of a woman» (The Holy Bible, containing the Old and New Testaments, with the Apocryphal books. Ecclus. 25. 17. P. 171–172).

Преобразующее креативное влияние дискурса как «возможного, альтернативного мира» находит свое отчетливое выражение в антонимических связях, которые устанавливаются у лексемы *sloth* в религиозной сфере и которые заметно отличаются от изначально присущих ей. Если исконно ее антонимами являются, прежде

всего, существительные *haste* (*быстрота, поспешность*), *strength* (*сила*), *diligence* (*быстрота, усердие*), то в религиозных текстах на передний план выходят существительные *charity* (*любовь, милосердие*), *gladness* (*духовная радость*), *delight* (*духовная радость, воодушевление*). Ср.:

«She was so *diligent* with outen *slouthe*

To serue and plesse / euerich in that place

That alle hir louen / that looken in hir face» (Chaucer G. Canterbury tales. P. 146).

«Here he spekis of temptfcioune of *sleuth*, that oft siþe takis him... swa that sum tyme he has nother *delite* to rede ne to pray» (Rolle R. The Psalter, or Psalms of David and certain canticles. P. 382).

Так, активное функционирование существительного *sloth* в текстах английского религиозного дискурса стало причиной специализации его значения, обусловило появление в его смысловой структуре ряда дополнительных, уточняющих сем. В результате исследуемая лексема начинает соотноситься в первую очередь не с различными физическими аспектами существования человека, а с его духовным, морально-нравственным состоянием и, в частности, с неисполнением им своего христианского долга. Семантическая специализация выражается также в приобретении словом *sloth* четко выраженной отрицательной морально-этической коннотации, которая приходит на смену неспецифической негативно-оценочной окраске, свойственной лексеме на более ранних ступенях ее развития.

Важно подчеркнуть, что в исследуемый период лексема *sloth* могла реализовывать присущее ей специализированное значение и в других типах дискурса. Это было обусловлено, прежде всего, особой социальной значимостью типовых для лексемы в религиозной области контекстов употребления, направленных на формирование в средневековом обществе определенных морально-этических норм и установок. Поэтому закономерно, что подобные контексты в виде инодискурсивных включений получили распространение и за пределами собственно религиозной сферы коммуникации.

В данной связи показательны, например, произведения Уильяма Ленгленда, Джеффри Чосера, Джона Гауэра, в которых широко представлена не только сама тема *семи смертных грехов*, но и традиционные языковые (в том числе и лексические) средства ее реализации.

«Slombrynge maketh a man be heuy and dul / in body and in soule.

And this synne comth of *Slouthe*» (Chaucer G. Canterbury tales. P. 641).

«Ac whiche be þe braunches þat bryngeþmen *sleuthe*

Ys, whanne a man mournþ nat for hus mysdedes

þe *penaunce* þat þe prest enioyneþ parfouneþ vuele

Doþ non *almys-dedes* and drat nat of synne» (Langland W. *Piers the Plowman*. P. 124).

«Turnde to sleuthe & to *prute* & to lecherie
To glotonie & heyemen muche to robbie»
(The metrical chronicle of Robert of Gloucester. P. 524).

Подобные примеры позволяют также говорить о значительной степени проницаемости и подвижности границ между специализированным религиозным и общеупотребительным значением лексических единиц морально-этического плана в эпоху Средневековья, когда христианские темы и мотивы буквально пронизывали все общественно значимые коммуникативные сферы.

Кроме того, во многих случаях именно взаимодействие двух указанных типов значений определяло основное направление эволюции семантической структуры этих единиц, их положение в словарном составе языка. Свидетельством этому может служить и процесс дальнейшего исторического развития лексемы *sloth*, на который оказал влияние целый ряд факторов как лингвистического, так и экстралингвистического характера.

Отметим, в частности, что к концу средневекового периода (XV в.) религиозная трактовка греха *лености* претерпевает определенные изменения, становится более широкой: среди нравственных обязанностей христианина наряду с делами благочестия важное место начинает занимать производительный труд. Подобное представление получает теологическое обоснование, опирающееся на тексты Священного Писания: «если, кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3:10). Вследствие этого грех *лености* распространяется уже не только на *vita contemplativa* и *vita activa*, но и на различные «труды человеческого служения», а к привычным добродетелям, противостоящим данному греху, таким, как «духовная радость» и «сила духа», добавляется обыкновенная мирская «деловитость»⁶.

В результате создавались предпосылки для сближения контекстов употребления существительного *sloth* в различных сферах коммуникации и формированию у него в качестве основного такого значения, как *unwillingness, disinclination to work or exert oneself*. Именно это значение и фиксируют у него толковые словари современного английского языка, сопровождая его, как правило, пометками типа *lit., formal*.

Указанные лексикографические источники свидетельствуют о том, что исследуемая лексема в ходе своего исторического развития утрачивает все другие значения, присущие ей на более ранних этапах функционирования в языке. Если некоторые из них (например, *slowness, delay*) и регистрируются в отдельных словарях, то лишь в качестве устаревших с пометкой *obs.* или *now rare*⁷.

Что касается специализированного религиозного значения лексемы *sloth*, которое восходит к эпохе Средневековья, то в дальнейшем оно за-

крепляется в ее смысловой структуре в качестве особого ассоциативного фона, который способен актуализироваться в соответствующем контекстном окружении. Как можно предположить, в первую очередь это относится к контекстам, связанным с темой *семи смертных грехов*, в пределах которой слово *sloth* служит подобным фоном. Об этом, в частности, говорят данные специальных (т. е. религиозных) словарей, в которых существительное *sloth* в большинстве случаев приводится в рубрике *Семь Смертных Грехов (Seven Deadly Sins)* при перечислении последних⁸.

Рассматриваемый здесь фон помимо собственно религиозного имеет, несомненно, еще и культурно-историческое значение, что находит отражение в словарях культурологической направленности. Так, например, в *Longman Dictionary of English Language and Culture*, наряду с обычным на современном этапе развития толкованием слова *sloth (unwillingness to work, laziness)*, дается и следующая информация: *Sloth is one of the Seven Deadly Sins*⁹. Подобные ассоциативные компоненты значения, хотя и носят потенциальной характер, тем не менее, по-видимому, оказали определенное влияние на место лексемы *sloth* в словарном составе английского языка и, в частности, на принадлежность к его книжному, официальному слою.

Необходимо, однако, добавить, что немало важную роль в истории лексемы *sloth* играют и внутрисистемные факторы, прежде всего взаимодействие данной лексической единицы с другими существительными-синонимами. Среди них следует особо выделить существительное *laziness*, которое примерно с начала XVII в. становится доминантным в указанном ряду и вместе с однородным ему прилагательным *lazy* получает широкое распространение во всех основных сферах коммуникации.

Рассмотренное в данной статье семантическое развитие лексемы *sloth* эксплицирует, на наш взгляд, общий механизм взаимодействия лексической семантики и концептуальных доминант общественно значимого дискурса. Проведенное исследование свидетельствует о том, что семантико-функциональное развитие лексических единиц в значительной мере обуславливается спецификой их использования в рамках того или иного дискурса на определенном хронологическом срезе. В основе этого развития лежит комплекс ассоциативных, тематических и лексико-тематических связей, который складывается у лексической единицы под действием типовых для нее в данной коммуникативной сфере контекстов употребления.

Примечания

¹ Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 38–39.

- 2 См.: Дейк ван Т.Я. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 121–122.
- 3 Арутюнова Н.Д. Истина и этика // Логический анализ языка: истина и истинность в культуре и языке М., 1995. С. 9.
- 4 Все тексты, послужившие материалом для исследования и цитируемые в данной статье, размещены на сайте: Corpus of Middle English Prose and Verse (CME, <http://www.hti.umich.edu/c/cme/>).
- 5 Multilingual Bible. Latin Vulgate // <http://www.lib.uchicago.edu/efts/>
- 6 Этика: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 236.
- 7 Webster's New World Dictionary. N.Y., 1996. P. 1264.
- 8 Oxford Dictionary of the Christian Church. Oxford, 1993. P. 528.
- 9 Longman Dictionary of English Language and Culture. L., 1996. P. 1273.

УДК 821.161.1.09 – 146.2+929 Сумароков

А.П. СУМАРОКОВ И ФОРМИРОВАНИЕ ЖАНРОВОЙ ТРАДИЦИИ РУССКОГО РОМАНА

С.С. Яницкая

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена,
кафедра русской литературы
E-mail: svetlana.yanitskaya@gmail.com

Рассматривается роль А.П. Сумарокова в формировании жанровой традиции романа в русской поэзии XVIII в. Выявляются характерные признаки раннего русского романа как одного из жанров песенной лирики, который в процессе своего становления активно взаимодействовал с элегией.

Ключевые слова: романс, жанровая традиция, песня, песенные жанры, элегия, мотив, лирический субъект, адресат, интонационно-ритмический строй, коммуникативная ситуация.

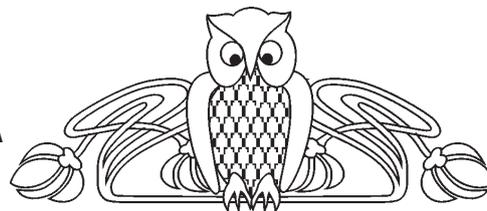
A.P. Sumarokov and the Formation of Russian Romance

S.S. Yanitskaya

The role of A.P. Sumarokov in the development of the genre of romance in Russian XVIII-century poetry is considered. The specific features of the early Russian romance as a lyrical genre are elucidated in its interaction with the genre of elegy.

Key words: romance, genre tradition, song, lyrical genres, elegy, motive, lyrical subject, addressee, intonation-rhythmical structure, communicative situation.

Историками русской музыкальной культуры неоднократно отмечалось, что поэзия Александра Петровича Сумарокова оказала решающее влияние на развитие в XVIII в. нового типа лирической песни, которая предназначалась для камерного сольного исполнения с инструментальным сопровождением в аристократических гостиных и предвосхищала стиль сентиментального романа¹. Тот факт, что Сумароков был крупнейшим поэтом-песенником своей эпохи, давно уже установлен нашей наукой о литературе. Песенное творчество поэта, начиная со второй половины XIX в., в разных аспектах освещалось в трудах Н.Н. Булича, А.А. Веселовского, В.В. Сиповского, И.Н. Розанова, Г.А. Гуковского, П.Н. Беркова, Д.Д. Благого, Л.И. Кулаковой, И.З. Сермана, А.А. Смирнова и других, однако предметом специального изучения становилось нечасто². При этом вопрос о роли

Сумарокова в создании романа как поэтического жанра до сих пор остается непроясненным. К его рассмотрению мы и обратимся в данной статье и одновременно попытаемся выявить жанровые признаки раннего русского романа.

В качестве поэтической структуры, не отделимой от музыкального искусства, романс в России складывался в хронологических рамках риторической культуры, традиционалистского типа художественного сознания, но в условиях бытового музицирования, а следовательно, развивался как «в другом смысле жанр»³. Генетически и на протяжении XVIII в. функционально романс представлял собой социально-эстетическое явление, уместное при конкретных обиходных обстоятельствах – светском времяпрепровождении дворянства, приверженного европейскому «стилю бытового поведения» (Ю.М. Лотман). Изначально регламентировавший «правилами бытового приличия»⁴ и не получавший от бытового <...> контекста⁵, романс вплоть до 1790-х гг. не имел собственно поэтического смысла, не осознавался самостоятельным литературным жанром, чем, вероятнее всего, и объясняется долгое отсутствие термина у существовавшего *de facto* жанра.

В литературоведении еще со времен В.Г. Белинского, в известной статье «Разделение поэзии на роды и виды» (1841) констатировавшего: «Жуковский познакомил нас своими переводами с этим родом лирической поэзии»⁶, устоялось представление о том, что жанр романа (а равно и термин) возник в русской лирике только в начале XIX в. На самом деле романс появился в России задолго до В.А. Жуковского. Как вполне автономный и популярный лирический жанр он утвердился уже к концу XVIII в., когда в поэзии русского сентиментализма совершалось «обретение психологического анализа, открытие конкретной души, чувствующей, изменчивой, страдающей»⁷. Тогда же в российской словесности получил распространение заимствованный из арсенала западноевропейской поэзии термин